№ 12. 17-е МАРТА 1878 ГОДА. ГОДЪ XX

Подписка на журналъ продолжается.

Почему же ты не со мною, а съ нимъ танцуешь?

ВА ИВАНА, ДВА ИВАНОВИЧА,

или

ЧТО МОГУТЪ НАДѢЛАТЬ ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ.

СКАЗКА.

(Продолженіе).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Иванъ Ивановичъ старый принимаетъ въ чужомъ пиру похмѣлье. Иванъ Ивановичъ молодой принимаетъ тоже похмѣлье, но въ чужой компаніи.

Пріѣхавъ домой отъ своей мнимой тетки, Иванъ Ивановичъ молодой пересчиталъ деньги—ихъ оказалось ровно пять тысячъ.

— Это отлично! проговорилъ онъ, вотъ нежданно, негаданно счастье-то повалило. Семенъ!

Явился Семенъ.

— Поди возьми бутылку хорошаго коньяку.

Когда коньякъ былъ принесенъ, Иванъ Ивановичъ, выпивъ рюмочки три-четыре, закуражился и рѣшилъ какъ нибудь повеселѣе провести воскресный вечеръ.

— Дома скучно, знакомыхъ никого нѣтъ, куда нибудь нужно ѣхать, разсуждалъ онъ. Семенъ!

— Что угодно-съ?

— Поди достань гдѣ нибудь афиши.

— Слушаю-съ.

Семенъ принесъ афиши, просмотрѣвъ которыя, Иванъ Ивановичъ рѣшилъ ѣхать въ маскарадъ, назначенный въ мѣстномъ клубѣ, и приказалъ подать себѣ фрачную пару. Одѣваясь, онъ еще раза два-три приложился къ коньяку и пріѣхалъ въ маскарадъ достаточно загрунтованный. Знакомыхъ у него никого не было, и Иванъ Ивановичъ молодой то потанцуетъ, а то большею частію, нѣтъ-нѣтъ, да въ буфетъ навѣдается. Такимъ образомъ усердствуя, Завалишинъ къ концу вечера напился, что называется въ дребезги. Тутъ съ нимъ случилось неожиданная, но край прискорбная оказія. Пошатнувшись нечаянн въ сторону, Иванъ Ивановичъ довольно ьно толкнулъ какого-то моло ıая языкомъ, прог...орилъ:

— Что! крикнулъ тотъ, вы сами толкнули меня и сами говорите мнѣ дерзости!

— Молчать! крикнулъ Завалишинъ.

— Молчите вы!

— Болванъ! Скотина!

— Что-о?! Кто вы такой? То, что вы пьяны, не даетъ вамъ права оскорблять другихъ. Кто вы такой? завтра мы объяснимся съ вами

— Я?... Я.. кто такой?... еле говорилъ Иванъ Ивановичъ, я... вотъ... кто... и, доставъ изъ кармана карточку, подалъ ее молодому человѣку.

— Хорошо, завтра мы объяснимся, проговорилъ тотъ.

Завалишинъ уѣхалъ изъ клуба.

Иванъ Ивановичъ старый, идя отъ Перочининыхъ, былъ въ какомъ то чаду.

— Что это значитъ? говорилъ онъ самъ съ собою, какимъ манеромъ я, отправляясь къ тетенькѣ, попалъ въ спальню къ дочери этого человѣка? Это непостижимо! Я шелъ вовсе не къ его дочери, за что же и по какому праву человѣкъ этотъ оттрясъ меня такъ дерзко и неуважительно за шиворотъ? Это обидно, это оскорбительно.

Иванъ Ивановичъ былъ не въ духѣ. Непонятное обстоятельство, подвернувшее его подъ тряску, путало его мысли, а самая тряска глубоко оскорбляла его. Идя, Иванъ Ивановичъ замѣчаетъ освѣщенныя окна одного дома.

— А! говорилъ онъ, прочтя вывѣску, гостинница, зайду, развлекусь немного.

Зайдя въ гостинницу, Иванъ Ивановичъ спросилъ себѣ кушанья и водки. Выпивая рюмочку за рюмочкой, онъ немного развеселился, потомъ захмѣлѣлъ, потомъ разговорился съ сидѣвшей не подалеку компаніей, потомъ присоединился къ ней. Компанія была уже сильно пьяна, когда подсѣлъ къ ней Иванъ Ивановичъ.

Выпили еще.

— Господа, нужно ѣхать въ клубъ, въ маскарадъ, предложилъ одинъ.

— Конечно, поддержалъ другой.

— А вы поѣдете? спросилъ Ивана Ивановича третій.

— Я? Съ удовольствіемъ.

Передъ отъѣздомъ рѣшили познакомиться поскорѣе и выпить на брудершафтъ. При знакомствѣ Иванъ Ивановичъ не замедлилъ снабдить собесѣдниковъ своими карточками.

Выпили и поѣхали. Въ маскарадѣ выпили еще какъ слѣдуетъ и

даже какъ не слѣдуетъ. Иванъ Ивановичъ старый почти безъ памяти явился домой.

Проснувшись на другое утро Иванъ, Ивановичъ старый едва-едва могъ поднять отъ подушки голову.

— Экая скверность какая, сказалъ онъ, ну, будь бы я молодой человѣкъ—ничего бы, а то въ мои лѣта, нехорошо, очень нехорошо.

Выпивъ сельтерской воды, Иванъ Ивановичъ нѣсколько оправился и усѣлся пить чай.

Вошла Авдотья.

— Сударь, сказала она, тамъ васъ двое какихъ-то господъ спрашиваютъ.

— Какихъ такихъ господъ?

— Не знаю-съ, а только спрашиваютъ.

— Ну, попроси подождать, я сейчасъ одѣнусь.

Иванъ Ивановичъ старый торопливо одѣлся и вышелъ въ залъ, гдѣ ждали его двое молодыхъ людей.

Раскланялись.

— Мы имѣемъ удовольствіе говорить съ Иваномъ Ивановичемъ Повалишинчмъ? спросилъ одинъ изъ посѣтителей.

— Точно такъ. Что вамъ угодно?

— Вчерашній день въ клубномъ маскарадѣ вы нанесли оскорбленіе нашему товарищу Петру Петровичу Петрову...

— Кто это Петръ Петровичъ Петровъ? перебилъ Иванъ Ивановичъ.

— Дворянинъ.

— Я не имѣю удовольствія знать его.

— Тѣмъ хуже.

— Что же вамъ угодно?

— Онъ просилъ насъ явиться къ вамъ и въ качествѣ его секундантовъ предложить вамъ или извиниться передъ нимъ, на условіяхъ, которыя онъ найдетъ нужными предложить вамъ, или же выбрать время, мѣсто и оружіе.

— Какъ-съ? отступая назадъ, спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Или же сказать ваши условія поединка.

— Какъ-съ поединка?—дуэли?

Посѣтители молчали.

— Но я никогда не дрался на дуэли.

— Это дѣло ваше.

— Можетъ быть, я и оскорбилъ господина Петрова, но зачѣмъ же непремѣнно дуэль? Я вѣроятно сдѣлалъ это безъ умысла и готовъ извиниться.

— Въ такомъ случаѣ напишите ему, что вы оскорбили его по глупости.

— По глупости, надменно сказалъ Иванъ Ивановичъ, вы, милостивый государь, молоды обижать меня.

— Я не обижаю васъ, а передаю вамъ условія человѣка, обиженнаго вами.

Иванъ Ивановичъ былъ гордъ и сильно гордъ: подписаться въ своей глупости было не въ его характерѣ. Онъ могъ обидѣть человѣка, находясь не въ нормальномъ состояніи, но этотъ человѣкъ взаимно обижаетъ его, предлагая такія условія извиненія.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, я на это не согласенъ.

— Тогда выбирайте.

Иванъ Ивановичъ задумался, онъ былъ не только плохой вояка, но даже никакой, слѣдовательно и выбирать ему было не изъ чего. Онъ сообщилъ свое затрудненіе секундантамъ.

— Выберите дуэль на пистолетахъ, изъ которыхъ только одинъ долженъ быть заряженъ, тогда судьба рѣшитъ дѣло.

— Хорошо, я согласенъ, скорѣй прошепталъ, чѣмъ сказалъ Иванъ Ивановичъ, но у меня нѣтъ секунданта, я не имѣю здѣсь знакомыхъ.

— Если вы вѣрите въ нашу порядочность, выберите кого либо изъ насъ, мы это дѣлаемъ не столько выводя васъ изъ затрудненія, сколько для нашего друга; но можете быть увѣрены, что тотъ, на кого падетъ вашъ выборъ, не злоупотребитъ вашимъ довѣріемъ.

Иванъ Иваиовичъ выбралъ; дуэль назначили въ пять часовъ вечера и секунданты уѣхали. Въ назначенный часъ секундантъ Ивана Ивановича явился за нимъ и они отправились. Иванъ Ивановичъ неврно вздрагивалъ и былъ блѣденъ. Какъ хотите, подставить лобъ подъ дуло, вещь не шуточная, прежде чѣмъ сдѣлать это, не мѣшаетъ подумать.

Когда Иванъ Ивановичъ съ своимъ секундантомъ, выйдя изъ экипажа, подходили къ мѣсту назначенія, противникъ со своимъ секундантомъ былъ уже тамъ. Петръ Петровичъ, завидя ихъ, обратился съ какимъ-то вопросомъ къ секунданту, на что тотъ утвердительно к[illegible]улъ головой, а Петровъ пожалъ плечами. Ив[illegible]новичъ мысленно уже прощался съ [illegible] временамъ зажмуривалъ глаза, какъ б[illegible]ніемъ чувства страха. Когда онъ остано[illegible]мѣстѣ, Петровъ подошелъ къ нему и спр[illegible]

— Скажите мнѣ пож[illegible]ваше имя и фамилію?

— Иванъ Ивановичъ Повал[illegible]

— Непонятно! пожалъ плечами противникъ.

— Что-съ?!

— Я говорю непонятно, какъ вы попали сюда.

— Меня вызвали ваши секунданты.

— Знаю, но вы не тотъ, кого мнѣ нужно.

— Опять не тотъ! чуть не вскрикнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Вы меня нетолько ничѣмъ не оскорбляли, но я въ первый разъ васъ вижу, я не понимаю только, почему вы приняли вызовъ.

Иванъ Ивановичъ разсказалъ, какъ онъ провелъ вечеръ въ клубѣ, и потому, не помня, какъ кончился вечеръ, повѣрилъ, что могъ нанести кому нибудь оскорбленіе. Мнимый противникъ, улыбаясь, протянулъ ему руку, извинился за безпокойство и предложилъ позабыть эту исторію. Иванъ Ивановичъ одинъ отправился назадъ, у него отлегло отъ сердца, но его какъ кошмаръ давила мысль о томъ, что его по какому-то странному обстоятельству называютъ по имени и фамиліи и затѣмъ вдругъ не признаютъ за нимъ его „я“, говорятъ—вы не тотъ. Разбитый нравственно и физически, онъ, вернувшись домой, легъ въ постель и заснулъ какъ убитый.

А настоящій виновникъ несостоявшейся дуэли, Иванъ Ивановичъ молодой, проснулся въ это утро тоже съ головною болью, какъ и старый, но съ какимъ-то смутнымъ сознаніемъ чего-то сквернаго и чего-то какъ бы опаснаго. Что это было такое, онъ самъ не зналъ, но что-то чувствовалось не совсѣмъ хорошее. Онъ, не вставая съ постели, спросилъ себѣ сельтерской воды и не успѣлъ еще выпить ее, какъ въ залѣ раздались голоса и цѣлая партія мущинъ — вся компанія Ивана Ивановича стараго вошла въ спальню Ивана Ивановича молодаго.

— Хорошъ! еще въ постели! Вставай, братъ, Иванъ Ивановичъ, стыдно валяться! кричала компанія. Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на вошедшихъ съ недоумѣніемъ.

— Да ты, злодѣй, вчера въ маскарадѣ-то былъ наряженъ и загримированъ, замѣтилъ одинъ изъ гостей, осматривая наружность Завалишина.

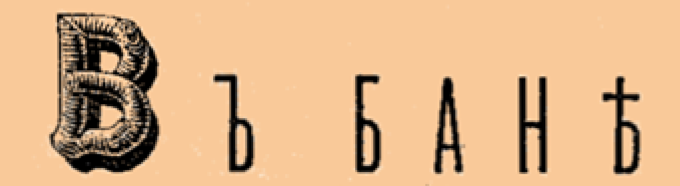
— На то и маскарадъ, чтобъ рядиться и гримироваться, улыбаясь, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ, подозрѣвая въ замѣчаніи гостя иронію на его вчерашній штрихъ.

— А знаешь что, Иванъ Ивановичъ, если бы не твои карточки, мы бы забыли, гдѣ и искать тебя. Да вставай, ве подать чего нибудь выпить и поправимся.

Завалишинъ всталъ, велѣлъ подать закуску и пошла попойка. У Ивана Ивановича молодаго отлегло отъ сердца, онъ былъ радъ, что его опасенія относительно вчерашняго вечера не оправдались, онъ и не подозрѣвалъ, что за него едва-едва не подставилъ подъ пулю лобъ Иванъ Ивановичъ старый.

И. Вашковъ.

(*До слѣдующ. №*).

Въ банѣ

сцены изъ московской жизни.

Вечеръ въ баняхъ у Каменнаго моста. Бани эти посѣщаются чистою публикою, завсегдатаи тамъ большею частью купцы, любители попариться, но есть лица и другихъ профессій, посѣщающіе эти бани. Бываютъ тамъ и архитекторы строющагося невдалекѣ храма Спасителя, бываютъ и чиновники, и военные, и духовныя лица. Сторожу бань отлично извѣстны привычки и наклонности каждаго. Иной любитъ только помыться; другой всласть попариться, каждый ужь имѣетъ своего постояннаго парильщика и ежели онъ занятъ, лучше подождетъ, а съ другимъ не пойдетъ. Сторожа знаютъ, напримѣръ, отлично, что многіе любятъ въ передбанникѣ мѣста съ подушечкой, послѣ бани немножко прилечь,—тѣмъ они устраиваютъ, въ чаяніи конечно хорошаго гонорара, такое мѣстечко. Есть люди, посѣщающіе только эти бани въ теченіе всей своей жизни и потому не диво, если парильщики знаютъ все ихъ тѣлосложеніе, гдѣ напримѣръ у Ивана Петровича бугоръ и гдѣ у Петра Ивановича болитъ. Иванъ Семенычъ, напримѣръ, любитъ мочалку жесткую, а Семенъ Иванычъ больше придерживаются вѣничка; Сергѣй Васильичъ, напримѣръ, любятъ протирку брюшка, а Василій Сергѣичъ охотники большіе до поясницы.

Въ сѣняхъ передъ баней сидятъ на прилавкѣ въ однѣхъ рубашкахъ и портахъ парильщики, въ предбанникѣ одинъ субъектъ. Времени только 6 часовъ, публики, или какъ ихъ тамъ называютъ, гостей еще нѣтъ. Разгаръ самый въ 8 часовъ. Парильщики, покуривая папироски, ведутъ разговоръ, конечно свойственный ихъ занятіямъ.

— Вчерась Семенъ Прокофьичъ рубашку кумачевую къ празднику посулилъ. Доволенъ, говоритъ, тобою очень.

— Тебѣ, Егоръ, счастье! Полюбился ты ему. Ну и бери что хочешь.

— Да и бери; а какъ я, братцы, до этого дошелъ,

вотъ что скажу. Какъ я такой паръ выдержать могу, ты того не знаешь?

— Нѣтъ.

— А я, братецъ, какъ увидалъ, что онъ ужь очень охочь до жару, сталъ къ нему знаешь какъ привыкать? Бывало растопишь печь, да голову въ печь, минутъ съ пять и продержу ее тамъ...

— Полно тебѣ врать-то! Нѣшто это возможно? восклицаетъ одинъ изъ парильщиковъ.

— Егоръ! раздается голосъ сторожа,—Николай! подите, гости пришли.

Двое изъ споравшихъ уходятъ. Баня мало по малу наполняется посѣтителями.

Въ одномъ углу сидитъ тучный и раскраснѣвшійся купецъ и старается надѣть чулокъ, при чемъ при каждомъ напряженіи обливается потомъ и тяжко вздыхаетъ:

— Господи, Господи! Фу, какъ жарко!... Сергѣй! кричитъ онъ сторожу,—поди, чулокъ мнѣ надѣнь!

— Сейчасъ-съ! Въ моментъ-съ!

На диванѣ у окна одѣвается чисто выбритый старичокъ, повидимому изъ судейскихъ, а рядомъ съ нимъ расчесываетъ размокшіе волосы духовное лицо. Старичокъ заводитъ разговоръ съ священникомъ, надѣвая жилетку и затягивая сзади пряжку.

— Не читали, ваше преподобіе, никакихъ телеграммъ нынче?

— Нѣтъ-съ, не имѣлъ удовольствія читать, а сынишка мой мнѣ сказывалъ, что пароходъ турецкій какъ будто наши забрали, якобы со многими людьми и оружіемъ.

— Да-съ! это еще утромъ извѣстно было. Вещь хорошая-съ! Знаете, народъ подбадриваетъ...

— Что это подбадриваетъ? спрашиваетъ вдругъ изъ своего угла купецъ, надѣвшій уже съ помошью сторожа чулки.

— Я говорю-съ побѣды моряковъ подбадриваютъ духъ народный!

— Тэкъ-съ! А я думалъ вы насчетъ какихъ либо напитковъ, чтобы здоровье подбадривали.

— А развѣ вы больны?

— Да-съ, немножко есть! Пробовалъ все ужь я: и дикофтъ пилъ, и мальцистратъ,—ничего не помогаетъ. Вотъ одной только баней и живу. Вѣрите ли, въ ногахъ бываетъ иной разъ такое изступленіе, что страсть! Ломъ такъ и стоитъ.

Въ баню входитъ купецъ въ енотовой шубѣ, надѣтой сверхъ халата, тоже на мѣху.

— А, Семенъ Иванычъ, ты ужь домой? Здорово! Что такъ рано?

— Попарившись, пора и ко дворамъ!

— Ваше преподобіе! снова обращается старичокъ,— не слыхали ли какихъ новыхъ перемѣнъ по епархіи?

— Нѣтъ, пока онаго не слышалъ. А вы гдѣ изволите жительство имѣть?

— Въ приходѣ Воскресенія въ Барашахъ.

— Довольно далекое отсюда пространство.

— Ничего! Привыкъ, знаете, издавна ходить сюда. Да-съ, ваше преподобіе, нынѣшнее время мы себя испытываемъ...

— Это насчетъ чего же?

— Я говорю насчетъ войны, батюшка!

— О! Да, народъ никогда такого воодушевленія не чувствовалъ.

— Это вы насчетъ народу? вмѣшивается снова въ разговоръ купецъ.—Я вамъ вотъ что скажу: таперь у меня кухарка живетъ баба деревенская, грамоты никогда не обучалась, а намедни сидимъ съ женой за чаемъ, а она и вбѣжи: слышали, говоритъ, Скобелевъ Бѣлаго Орла получилъ! Каково вамъ покажется?

Посѣтители смѣются.

— Только, говоритъ, правду говорятъ, что это орденъ такой?—Вѣрно, говорю я ей, орденъ самый генеральскій. —А я, говоритъ, думала, живаго ему бѣлаго орла дали... Такъ вотъ какъ у насъ про эту войну говорятъ!

Гости улыбаются. Старичокъ начинаетъ расплачиваться, священникъ надѣлъ уже рясу и собирается уходить. Входитъ еще посѣтитель.

— Сергѣй, не приносили бѣлья моего изъ дому? обращается онъ къ сторожу.

— Принесли-съ.

— Парильщика Ивана большаго позови, слышь!

— Сейчасъ-съ!

— Постой! развяжи узелокъ, тамъ видишь бутылка. Возьми, отдай ему.

Священникъ и старичокъ уходятъ. Купецъ обращается къ посѣтителю съ вопросомъ:

— Позвольте спросить: это вы для натирки съ собою принесли-съ?

— Для какой натирки?

— Тѣлесовъ! Тѣлеса натирать!

— Нѣтъ-съ, это у меня лафитъ, я его въ банѣ нагрѣваю и пью!

Купецъ изумленно смотритъ.

— И помогаетъ? спрашиваетъ онъ.

— Чему помогаетъ?

— То-есть собственно ежели страдаете и...

— Я его не отъ страданій пью, а такъ, вкусъ нахожу...

— И пріятно это бываетъ?

— Очень! Какъ глотнешь стаканчку и сейчасъ на полокъ. Такъ даже большое удовольствіе можно получить.

— Безпремѣнно попробую! Въ слѣдующій разъ безпремѣнно. Право, смотришь, столько лѣтъ живешь, а всѣхъ средствій противъ болѣзни и не знаешь.

— А вы чѣмъ больны?

— Многимъ, сударь; особливо, ежели съ вечеру очень заложишь.

— А вы много не пейте и не закладывайте!

— Нельзя-съ! такое знакомство-съ!

— Какое?

— Разное-съ. Свои купцы, адвокаты. Вы сами, позвольте узнать, не изъ нихъ ли?

— Да, я дѣйствительно занимаюсь адвокатурой.

— Очепно пріятно! Заходите къ намъ въ лавочку. Мы торгуемъ въ городѣ въ Москательномъ ряду... Сейчасъ извольте я вамъ адресъ дамъ.

Купецъ роется въ сюртукѣ и передаетъ свою карточку адвокату.

— А средство ваше насчетъ лафиту завтра же попробую!

— Попробуйте!

— Оно и хорошо для нутра, и жаръ лучше пробираетъ!..: Заходите-съ!

Адвокатъ-посѣтитель уходитъ въ баню. Купецъ, распластившись, говоритъ:

— Завтра жди безпремѣнно! Попробую, какой это будетъ паръ съ лафитомъ... Ахъ, Господи! позабылъ спросить...

— Виноватъ, сударь,—зоветъ онъ адвоката; тотъ нехотя выходитъ весь мокрый изъ бани. — Извините! позабылъ спросить: въ какую цѣну лафитъ купить?

— Въ три съ полтиной.

— А у кого брать-то его?

— У Вильборна! отвѣчаетъ съ улыбкой адвокатъ.

— Очепно вами благодарны, произноситъ купецъ и уходитъ довольный домой.

Старикъ срѣзываетъ у одного гостя въ углу мозоли и задѣваетъ ножемъ тѣло, посѣтитель кричитъ и ругается.

А. Д—жій.

ЧѢМЪ ЗАНИМАЮТСЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МУЗЫ ПАРНАССА

Кліо избрала благую часть: обратилась въ газетную корреспондентку, найдя это ремесло самымъ выгоднымъ изъ всѣхъ ремеслъ; корреспондируетъ она въ двѣ газеты заразъ: въ турецко-мадьярскую газету «Neue Freie Presse» и въ «Гаотку» подъ псевдонимомъ Прихвостневъ 1-й. Пробовала она попасть и въ «Биржевыя Вѣдомости», «Биржу», «Новости», «Русскій Міръ», но успѣха не имѣла, потому что тамъ своихъ корреспондентовъ цѣлыя стада имѣются изъ однихъ Подхалимовыхъ.

Калліопа, всегда увлекавшаяся по своему слабому характеру особенными симпатіями къ современному гешефту, приняла Моисеевъ законъ и вступила въ компанію по устройству завода для выработки сухарей изъ угольевъ; по вслѣдствіе скоропалительности продукта и забраковки при пріемѣ сухарей заводъ компаніи сгорѣлъ; однако, благодаря практической предусмотрительности компаніи, оказался застрахованнымъ дороже стоимости втрое, что даетъ возможность компаніи остаться не съ убыткомъ, а съ хорошимъ барышомъ, который бы едва ли остался ей и отъ обращенія угольевъ въ сухари.

Мельпомена, сознавъ непрактичность своего значенія для общества какъ музы, нашла болѣе полезнымъ обратиться къ чисто коммерческому труду и, слѣдуя примѣру многихъ общественныхъ дѣятелей, занявшись коммерческимъ трудомъ, открыла типографію съ отдѣломъ литографическимъ и хромолитографическимъ, и типографическую дѣятельность посвятила преимущественно для печатанія книгъ, издаваемыхъ гг. Леухинымъ, Земскимъ и прочими издателями Никольской школы. Кромѣ того, она вошла въ разные частные и общественные подряды для печатанія бланковъ, счетовъ, отчетовъ конкурсовъ, банковъ, также ярлычковъ для разныхъ питей мѣстнаго и иностраннаго приготовленія, какъ напримѣръ мадеры, приготовляемой въ Москвѣ, шампанскаго Клико, приготовляемаго въ Новочеркаскѣ и проч., особенно успѣшно она повела дѣло съ правленіями желѣзныхъ дорогъ, такъ что со дня открытія ея типографіи, по отчетамъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ. стало выходить противъ прежняго числа тройное количество бланковъ и квитанцій, и заручилась такимъ довѣріемъ, что, доставляя сотни бланковъ, получаетъ квитанціи за тысячи. Не менѣе счастливо успѣла она пристроить свою дѣятельность и къ нѣкоторымъ обществамъ и Думамъ.

Талія по слухамъ прошла многое: и огнь, и воды, и мѣдныя трубы, пробовала быть пѣвицей, танцовщицей, цвѣточницей, даже искала случая поступить къ какому нибудь пашѣ въ гаремъ, для чего пропутешествовала въ Константинополь, но недостатокъ внѣшнихъ формъ и лѣта помѣшали ей быть украшеніемъ гарема правовѣрныхъ. Въ настоящее время она обратилась въ всемірно-ясновидящую предсказательницу, гадаетъ на американскомъ аппаратѣ, на картахъ, кофейной гущѣ, бобахъ и проч., особенно она умѣетъ отгадывать тайны сердца прекрасныхъ Еленъ, желающихъ имѣть при себѣ прекраснаго Париса, для чего у ней имѣется частный адресный столъ, въ которомъ можно получить за умѣренную цѣну вѣрные адресы Парисовъ, Марсовъ, Ганимедовъ, Аполлоновъ.

Полигимнія отличалась всегда отъ прочихъ музъ

практичностью взгляда и не искала никогда славы, помня слова поэта: «Что слава? яркая заплата на рубищѣ пѣвца». Сойдя съ высотъ Парнасса, она нашла самымъ выгоднымъ и практичнымъ рекомендовать себя въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» гувернанткой съ музыкой, ищущей мѣста въ отъѣздъ ко вдовцу съ дѣтьми. Публикація оказалась удачна, а мѣсто гувернантки—еще болѣе удачнымъ: вдовецъ оказался бездѣтнымъ и Полигимнія сдѣлалась у него, вмѣсто гувернантки съ музыкой, экономкой съ бранью. Проведя немного лѣтъ въ должности экономки и пріобрѣтя обезпечивающій капиталецъ, Полигимнія пріѣхала въ Москву, объявила временный купеческій капиталъ по 2-й гильдіи, открыла гласную кассу ссудъ, т. е. сдѣлалась закладчицей. Дѣлишки ея идутъ успѣшно, къ гласной кассѣ ссудъ она присоединила негласное коммисіонерство для секретной доставки спитаго чая господамъ оптовымъ и розничнымъ торговцамъ въ городъ и на рынкахъ съ рогожскихъ, бутырскихъ и дорогомиловскихъ плантацій, а также коммисіонерство для сбыта разныхъ продуктовъ экономіи, остающихся въ разныхъ вѣдомствахъ, какъ-то дровъ, свѣчъ, сѣна, муки, овса, крупы и проч.

Уранія, перебравшись на землю, вздумала попутешествовать по Европѣ. Прогуливаясь по улицамъ европейскихъ столицъ, бывшая скромная муза была поражена заманчивостію и смачностію нѣкоторыхъ вывѣсокъ, которыми разукрашены пяти и шести этажные дома столицъ; она съ жадностію прочитывала ихъ, смакуя сладкую надежду попасть въ какое нибудь изъ этихъ сочныхъ и питательныхъ обществъ, если хоть не въ званіи директора или управляющаго, то хоть въ качествѣ кассира или бухгалтера. Насладившись лицезрѣніемъ этой финансовой вывѣсочной мудрости, муза остановила мысль свою на компаніи нѣмецко-еврейскаго культа, которая носила на себѣ несомнѣнные слѣды новѣйшей финансовой изобрѣтательности, и постановила себѣ задачею пробраться въ эту компанію; хоть ползкомъ проползти, но служить тамъ и быть если не кассиромъ и не бухгалтеромъ, то хоть чѣмъ нибудь. Желаніе музы исполнилось. Въ настоящее время муза Уранія—агентъ такой компаніи, принимаетъ землю въ заклады, публикуетъ о пріемныхъ часахъ у себя чуть не въ каждомъ № газетъ, занимается частной адвокатурой, ѣздитъ на тысячномъ рысакѣ, какъ современный дѣятель общества имѣетъ отличнаго повара, великолѣпную квартиру, живетъ лѣтомъ на дачѣ, въ оперѣ имѣетъ кресло 1-го ряда, съ дѣятелями нѣмецко-еврейскаго культа на ты, имѣетъ румянецъ самый яркій, говоритъ, что успѣла положить въ солидный банкъ на черный день нѣкоторый капиталецъ; но вретъ: никакихъ капиталовъ про черный день нѣтъ, а должишки есть.

Евтерпа находится въ настоящее время, благодаря жадности и увлеченію, въ плачевныхъ обстоятельствахъ. Пристроившись при нѣкоемъ не совсѣмъ благовидномъ адвокатѣ въ качествѣ повѣреннаго, Евтерпа стала адвокатствовать, зажила на широкую ногу и увлеклась до того, что пустилась на разныя продѣлки и вымогательства, называемыя въ настоящее время болѣе приличнымъ и благороднымъ названіемъ шантажа и пошла шантажить, какъ серпомъ траву косить. Сначала она ошантажила молоденькаго валетика, а потомъ одну купчиху изъ Пустой улицы, а за симъ одного короля изъ одной злополучной Думы, а потомъ проѣхалась по карману даже своего патрона адвоката, и до того увлеклась, что вздумала пошантажить съ однимъ концессіонеромъ; но увы! онъ оказался не робкаго десятка и пардону не попросилъ, а пошелъ въ такую атаку, что муза-адвокатъ попала въ плѣнъ какъ мышка въ ловушку, и въ недалекомъ будущемъ ей придется шагать въ мѣста хотя и не отдаленныя, а все-таки нехорошія.

Эрато сначала было повела дѣла въ принципѣ народности и народнаго блага, сильно филантропствовала по части человѣколюбія; но найдя это для себя маловыгоднымъ, ударилась въ спекуляцію въ міръ желѣзнодорожный и въ настоящее время сдѣлалась одной изъ самыхъ опасныхъ биржевыхъ сиренъ и увлекаетъ такъ своимъ пѣніемъ, что многіе тонутъ въ биржевомъ омутѣ, а она посматриваетъ на тонущаго, приговаривая: «тони, голубчикъ, тони; если плавать не умѣешь, такъ и въ воду не ходи». Эрато находится въ интимной дружбѣ съ разными биржевыми волками, желѣзнодорожными медвѣдями, банковыми турманами; словомъ, такъ плутуетъ, такъ загребаетъ все плывущее, что если на нее посмотрѣть съ высоты горы Арарата, то и оттуда увидишь ея плутни. Эрато такъ разбогатѣла, что имѣетъ въ своемъ бюро въ закладѣ до 20-ти тысячъ листовъ разныхъ гарантированныхъ акцій, премущественно Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время она оборудовала постройку какой-то желѣзной дороги, гдѣ, прикрываясь плащемъ жидовской филантропіи, хватитъ, говорятъ, милліончика два. Эрато очень гуманна: передъ ея интересами все равн[illegible]то жидъ, что христіанинъ, и если христіанинъ бер[illegible] жида, то она никогда не дастъ преимущества [illegible] она не любитъ, къ полусвѣту имѣетъ большо[illegible]чемъ подумываетъ купить княжество [illegible]уломъ разумѣется, простирающимся и на [illegible] Эрато кажется самая счастливая изъ всѣхъ 9-ти музъ, перекочевавшихъ съ Парнасса.

Терпсихора. Бѣдная Терпсихора съ Парнасса попала прямо въ Москву, остановилась въ гостинницѣ Англія и головка бѣдной музы сразу закружилась отъ сторублевыхъ шляпокъ мадамъ Аннетъ, отъ тысячныхъ платьевъ мадамъ Минангуа и отъ тысячныхъ рысаковъ Бардина. Она обратилась сразу въ ночную бабочку Шато-де-Флера; сначала въ Терпсихору влюбился концессіонеръ изъ «насихъ», но разсчетливый, какъ и всѣ изъ этого племени, въ каждомъ грошѣ, скоро отступилъ на задній планъ; мѣсто его занялъ сынокъ одного подрядчика, тоже изъ «насихъ», но такъ какъ наличныхъ, получаемыхъ отъ отца, недоставало, то пошла въ ходъ гербовая бумага съ крупными цифрами въ заголовкѣ, которая въ скоромъ же времени предстала за неудовлетвореніе платежа предъ глазами отца и онъ сразу порѣшилъ отправить сынка въ Америку на собственный трудъ. Вакантное мѣсто занялъ тоже изъ «насихъ» сынокъ одной богатой концессіонерши и сталъ превращать за недостаткомъ наличныхъ рязанскія акціи въ деньги и такъ ходко, что цѣна даже на нихъ понизилась, и бѣдную Терпсихору за увлеченіе молодыхъ людей выпроводили изъ Москвы. Долго она витала по разнымъ минерашкамъ, Марцинкевичамъ, семейнымъ садамъ въ Петербургѣ безъ успѣха, затмѣваемая въ полусвѣтѣ Петербурга разными Бланшами, Камиллами, Жаннетами и прочими сиренами петербургскаго полусвѣта, и послѣ долгихъ скитаній уѣхала съ однимъ мучнымъ Китомъ Китычемъ въ Рыбинскъ; но и съ тѣмъ не ужилась по случаю его скаредности. Послѣ долгихъ скитаній Терпсихора подъ именемъ Каролины Ивановны опредѣлилась въ гувернантки къ купцу Глупову, а со степени гувернантки перешла на степень экономки: но тутъ недолго было блаженство Терпсихоры: купецъ Глуповъ возъимѣлъ глупость влюбиться въ одну 40-ка лѣтнюю помѣщицу, а та изъ ревности попросила его уволить экономку, что и было исполнено безпрекословно, и Терпсихорѣ опять пришлось отыскивать насущное пропитаніе въ морѣ житейскомъ. Въ настоящее время она—гродненская 1-й гильдіи купчиха, подрядчица, поставляетъ муку, крупу, холстъ, сапоги, фуфайки, сѣно и прочее, и благодаря своей шикарности и остаткамъ прежней красоты, а въ особенности своей природной юркости, ведетъ дѣлишки свои успѣшно.

Альбіону

Твой апломбъ, Альбіонъ,
Пострадалъ тамъ и тутъ,
Разлетѣвшись какъ сонъ
Отъ торгашескихъ путъ.

Ты отъ вѣка отсталъ,
Лишь доходы гребя....
Что ты былъ и что сталъ,
Какъ узнать намъ тебя?...

Ты, кто міръ велъ впередъ,
Обрати-ка взоръ свой,
Какъ въ Китаѣ народъ
Губитъ опіумъ твой.
Весь Китай возропталъ,
Алчность ту невзлюбя....
Что ты былъ и что сталъ,
Какъ узнать намъ тебя?...

О прогрессѣ молча,
Посмотри Альбіонъ,—
Кто страшнѣй палача
Для индійскихъ племенъ?...
За презрѣнный металлъ
Радъ чернить ты себя....
Что ты былъ и что сталъ,
Какъ узнать намъ тебя?...

Когда право людей
Неграмъ далъ Новый Свѣтъ,
Смылъ онъ кровью своей
Отрицанья отвѣтъ.
Ты тихонько мѣшалъ,
Барыши возлюбя....
Что ты былъ и что сталъ,
Какъ узнать намъ тебя?...

А теперь на Балканъ
Мыслью ты полетѣлъ
И свободу Славянъ
Вновь попрать захотѣлъ;
За спиной турокъ сталъ,
Имъ о силѣ трубя....
Что ты былъ и что сталъ,
Какъ узнать намъ тебя?...

Твой разрушенъ кумиръ
На вѣка будто сонъ,
Отвернулся весь міръ
Отъ тебя, Альбіонъ.
И Османъ возропталъ,
Для тебя все сгубя....
Что ты былъ и что сталъ,
Какъ узнать намъ тебя?...

Кетти Кингъ.

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

БЕЗЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ВЫЧИСЛЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ ПО НОВѢЙШИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

Ипполитъ Элоквентовъ.

(Принято какъ руководство для читателей „Развлеченія" и одобрено учеными редакціи „Развлеченія").

(Продолженіе).

Глава вторая.

УЧЕНІЕ О СИЛАХЪ.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что всякое тѣло само по себѣ въ движеніе прійти не можетъ, а потому причина, приводящая его въ движеніе, называется *силой*; однако я долженъ вамъ замѣтить, что нерѣдко сила дѣйствуетъ на тѣло, а оно не двигается; напримѣръ, вы вѣроятно замѣчали, когда городовой толкаетъ пьянаго, лежащаго на мостовой, то тѣло, лежащее по горизонтальной плоскости, вовсе не двигается, и часто случается, что на тѣло дѣйствуютъ нѣсколько силъ, а оно все таки остается въ покоѣ, такого рода состояніе тѣла называется *равновѣсіемъ,* потому что сила давленія городоваго уничтожается другой силой, именно силой алкоголя, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть и *система силъ*, потому что, дѣйствуя на тѣло во всѣхъ его частяхъ, заставляетъ его падать. Точка, куда тѣло падаетъ, называется *точкою приложенія силы. Направленіемъ силы* называется то направленіе, которое принимаетъ тѣло во время приложенія. Если тѣло приложится къ тротуару, мостовой, канавѣ и полу, то направленіе силы называется *горизонтальнымъ,* если же приложеніе произойдетъ у фонарнаго столба или у угла дома, стѣны, подъѣзда и пр., то тогда направленіе силы называется *вертикальнымъ*. Иногда точка приложенія силы измѣняетъ свое направленіе и переносится на другую противуположную точку, что иногда происходитъ въ узкихъ проходахъ, корридорахъ и пр. и тогда точки приложенія силы и давленія на тѣло бываютъ *смѣшанныя.* Если на тѣло дѣйствуютъ двѣ или три силы городовыхъ, превосходящія тяжесть тѣла, то тогда оно подается въ сторону большей силы.

Параллелограммъ силъ. Параллелограммомъ силъ называются двѣ равнодѣйствующія силы, дѣйствующія на тѣло подъ угломъ, но отъ нихъ тѣло не пойдетъ ни по одному изъ направленій этихъ силъ, а пойдетъ по собственной линіи. Это можно доказать, когда идешь по Ножевой линіи, а торговцы тебя хватаютъ за полы, зазывая въ лавки, ты же не пойдешь ни въ одну изъ нихъ, а пойдешь по своей дорогѣ. Другой примѣръ: извощики или личейки у Ильинскихъ воротъ, вмѣсто которыхъ ты садишься лучше на конно-желѣзную дорогу. Еще третій примѣръ: одинъ изъ старшинъ клуба тянетъ, другой тянетъ, а дѣла идутъ совсѣмъ не туда, куда они хотятъ.

Много есть еще силъ въ природѣ: сила притягательная, нагнетательная, центростремительная и др.

Сила притягательная происходитъ больше отъ свойства самихъ тѣлъ. Напримѣръ: касса банка, казначейства, земства, красота женщины. Хорошую притягательную силу имѣютъ выставки въ окнахъ ювелировъ, трактиры, рестораны. Иногда притягательной силой служатъ объявленія въ газетахъ, афишахъ и проч. Газеты и журналы прежней притягательной силы не имѣютъ, а таковою у нихъ служатъ преміи, конечно обѣщаемыя. Притягательная сила сотрудниковъ и корреспондентовъ есть гонорарій; банки, имѣя притягательную силу въ кассахъ, служатъ тѣмъ же для директоровъ и служащихъ. На нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ притягательная сила багажъ или товары публики. На акціонеровъ большею частію дѣйствуютъ *нагнетательною силой* для увеличенія капитала банка и для достаточнаго количества голосовъ въ общихъ собраніяхъ. Въ купечествѣ нагнетательная сила бываетъ родовая, потомственная и передается отъ отца сыну и т. д., отъ хозяина прикащику становясь такимъ образомъ силою природы; въ этомъ случаѣ нагнетательная сила производится одной рукой, а другою доказывается законъ *тяжести* кулака и извлеченіе корней изъ волосъ; извлеченіе корней впрочемъ входитъ въ составъ науки—алгебры.

Сила центростремительная преимущественно влечетъ бѣдный людъ къ ростовщикамъ, обществамъ, дающимъ подъ закладъ и проч. Хорошая *центробѣжная сила* въ циркѣ Чинизелли при выводѣ на кругъ лошадей.

Есть еще сила, которая по пословицѣ солому ломитъ, есть *сила творчества*, но та теперь, особенно по части драмы, въ упадкѣ, или напр. у турокъ была хорошая сила, да теперь сплыла; когда-то были *таинственныя силы*, да и то въ романахъ, а теперь остались однѣ *потраченныя силы* и, если что еще производящее впечатлѣніе, то это *сила богатства*.

Перейдемъ теперь, господа слушатели, къ третьей главѣ, именно къ ученію о теплотѣ.

А. Д—жій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВАНЬКА КАИНЪ

(отрывокъ изъ поэмы: «Кому вольготно, счастливо живется въ одномъ не то селѣ, не то городѣ).

Глава XXX.

....Пришли купцы почтенные
Спросить у Ваньки Каина,—
Счастливо ли, вольготно ли,
Богато ли живетъ...
—«Скажи намъ правду чистую,
Какъ ты живешь. богато ли,
Счастливо ли, вольготно ли?...»
—А это вамъ зачѣмъ?
—«Вотъ видишь, мы поспорили
На дюжину шампанскаго:
Узнать, кто всѣхъ счастливѣе
Здѣсь ва городѣ живетъ?...
Пожалуйста, повѣдай намъ—
Мы сотенной поклонимся.»

—А, сотенной!—Ну, слушайте,
Я все вамъ разскажу.
Меня прозвали «Каиномъ».—
Названье неприлич[illegible],
Но я не обижа[illegible]я,
Хоть чертомъ [illegible]зови
Меня зовутъ разбойникомъ,
Мошенникомъ, грабителемъ,—
А я [illegible]
Ни [illegible], ни весело
[illegible] первый я
[illegible]
[illegible]-первыхъ, [illegible]тья не было

Въ дѣтяхъ, ужь видно Господомъ
Наказанъ за грѣхи...
Вишь, дочь сбѣжала съ докторомъ;
За это въ наказаніе
Наслѣдства ей не дамъ:
Семь тысячъ ей приходится
На долю послѣ бабушки,—
Не дамъ ей ни шиша...
А сынъ мошенникъ этакій
Въ Москвѣ далъ тысячъ на тридцать
Съ моей отцовской подписью
Фальшивыхъ векселей;
Ну, я его разбойника
Подъ судъ за эти пакости
Упекъ,—въ Сибирь сослали бы,
Да умеръ негодяй...
Училъ его въ младенчествѣ
Поролъ, морилъ и голодомъ,
А вышелъ онъ подлецъ.
Теперь со мной осталися
Два сына—парни дѣльные—
Въ меня они пошли...
Такъ видите, пріятели,
Житье мое счастливое:
Богатъ, а счастья нѣтъ»....

«А ты скажи, за что тебя
Прозвали Ванькой-Каиномъ»?
Спросили такъ купцы.

—Еще давайте сотенку,
Тогда вамъ досконательно
Объ этомъ разскажу!—

«Ну, на!—Да все разсказывай,
Какъ слѣдуетъ въ подробности,
Всю душу открывай!»

—Ахъ, вы пустоголовые!
Вишь, что вамъ захотѣлося,
Ни въ жизнь не разскажу!—

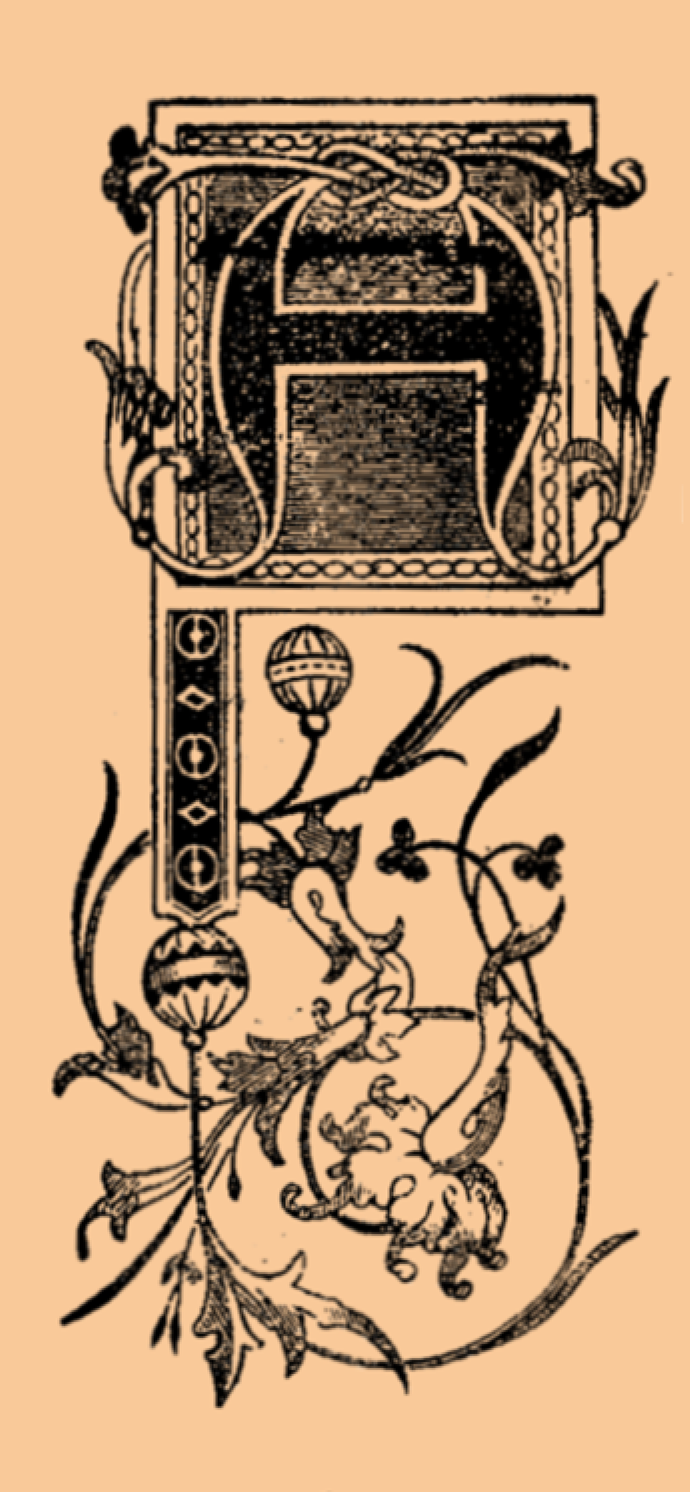
«Разсказывай!—Двѣ сотенныхъ
Ужли мы даромъ отдали?
Разсказывай!»—кричатъ...

—Не разскажу, вамъ сказано,
Ступайте вонъ по здорову,
А то въ зашеи выгоню!...—

И семь купцовъ ушли...

Слово—Рцы.

РАБЕСКИ

Куда мчится Русь? Образцы современной полемики.—Куда пропали восемьдесятъ тысячъ плѣнныхъ турокъ?—„Кому на Руси жить хорошо?“.—„Внутренніе“ и „собственные“.—Картинка.

Русь! куда ты мчишься?

А вотъ куда:

Г. Де-ла-Серду, рисуя въ журналѣ «Слово» портретъ г-на Михайловскаго, говоритъ объ этомъ писателѣ, что онъ обладаетъ «безтактностью», «отсталостью» и «несомнѣннымъ невѣжествомъ» и тому подобными прекрасными качествами, видимо необходимыми каждому сотруднику журнала «Дѣло», гдѣ г-нъ Михайловскій принимаетъ самое дѣятельное участіе. «Отшлепавъ» съ такимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ г-на Михайловскаго, Де-ла-Серду погналъ въ «хвостъ и въ гриву» свою литературную тройку и хотѣлъ ужь скрыться изъ глазъ изумленныхъ читателей, какъ вдругъ очнувшійся отъ полемической потасовки г. Михайловскій догналъ его въ журналѣ «Дѣло» и, не говоря худаго слова, объявилъ г-ну Де-ла-Серду, что по испански «lacerda»—значитъ «свинья»! Поразивъ такъ тонко и остроумно своего противника и пожелавъ ему добраго здоровья, г. Михайловскій хотѣлъ ужь возвратиться въ одну изъ родныхъ трущобъ журнала «Дѣло», въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ обитаютъ, занесенные туда приливами и отливами литературнаго моря различные сочные молюски современной публицистики,—какъ невозмутимый г. Де-ла-Серду, вооружившись лексикономъ, доказалъ изумленнымъ спортсменамъ петербургской журналистики, что испанское слово: «lacerda» значитъ «щетина кабана», а не «свинья»...

«Эхъ вы, писатели! говоритъ г. Незнакомецъ,—и ругаться-то не умѣете! А еще публицисты!... Вы вотъ какъ: «...я дамъ пинка вамъ, олухамъ, болванамъ, осламъ, мошенникамъ, бездѣльникамъ, мерзавцамъ и проч., и проч.»...

Батюшки мои! кого вы это?

«Это не я ругаюсь, это г. Берне отдѣлываетъ нѣмецкихъ писателей, которые своимъ «полемическимъ задоромъ» вывели его изъ терпѣнія, а я только рекомендую руководителю «Русскаго Обозрѣнія», г-ну Песковскому прочесть полное собраніе этихъ пріятныхъ словъ, помѣщенныхъ на нѣсколькихъ страницахъ, въ алфавитномъ порядкѣ, въ «Парижскихъ письмахъ» г-на Берне, и если ему, Песковскому, эти выраженія нравятся, *принять ихъ на свой счетъ*»... («Новое Время», 1878 года, № 697).

Русь! Куда ты мчишься?

Видишь куда!...

—

Пишутъ, что турки не досчитываются *восьмидесяти* тысячъ своихъ храбрыхъ воиновъ; такъ-таки совсѣмъ не досчитываются!... И съ возвратомъ плѣнныхъ не досчитываются. По турецкимъ спискамъ значится *пропавшихъ безъ вѣсти* сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ этого числа имѣется на лицо: въ Россіи *девяносто* тысячъ плѣнныхъ турокъ, да въ Румыніи тысячъ *десять*—итого возвратится въ объятія турецкихъ дамъ и дѣвицъ *сто* тысячъ человѣкъ, остальные же восемьдесятъ тысячъ пропали и гдѣ они находятся—неизвѣстно... Одинъ я знаю, гдѣ, и пожалуй, по добротѣ своего сердца, скажу: *русскія турчанки* спрятали ихъ!... Стоитъ только хорошенько поискать у тверскихъ да у новочеркасскихъ дамъ, кіевскій округъ прихватить можно, Полтаву и другія мѣста не забыть, гдѣ плѣнныхъ турокъ съ букетами цвѣтовъ встрѣчали, да разными сластями угощали, шампанскимъ поили... Вотъ тутъ и искать надо! Всѣ восемьдесятъ тысячъ найдешь; имъ тамъ

«Вольготно, счастливо живется на Руси!»

Говорятъ, что также «вольготно» и счастливо жилось у насъ и плѣннымъ французамъ въ 1812—1814 годахъ. Этихъ общипанныхъ *тогда* галльскихъ пѣтушковъ наши курочки тоже шампанскимъ поили и сластями кормили; и тогда, какъ и теперь, отечественная литература скорбѣла и вписывала эти похожденія русскихъ куръ съ заморскими пѣтухами въ историческія лѣтописи «любвеобильной» земли нашей. Такъ въ «Русскомъ Архивѣ» настоящаго года помѣщено стихотворное посланіе 1814 года С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву, гдѣ г. Аксаковъ, описывая современныя ему похожденія «россійскихъ дѣвицъ» съ «питомцами сатаны», т. е. плѣнными французами, говоритъ:

«Иль брата, иль отца на комъ дымится кровь,
Тотъ дочкѣ иль сестрѣ болтаетъ про любовь!»

А тѣ, разумѣется,

«Руками обхватясь (съ плѣнными), уставя *томны* лица
На раззорителей отеческ страны,

слушали эту эротическую болтовню, слушали и предлагали «душкамъ» французамъ (нынѣ туркамъ) остаться съ ними навѣки, въ каче чен ва полезнаго,— и такимъ образомъ

Судья. Какой-же поводъ имѣетъ мужъ вашъ, чтобы такъ васъ бить?
Старуха. Никакого повода у него нѣтъ, кромѣ палки.
Судья. Да что же за причина?
Старуха. Должно быть изъ ревности.

Жить счастливо и весело, вольготно на Руси!... Такимъ «патріотическимъ» поползновеніямъ благородныхъ россіянокъ противопоставляемъ окончаніе стиховъ С. Т. Аксакова:

«Но будетъ, отвратимъ свой скорбный взоръ
Отъ гнусныхъ тварей сихъ, россіянокъ позоръ!»

Крупно и прямо выражали свое негодованіе старые люди!

—

И такъ вопросъ: «кому на Руси жить хорошо?» разрѣшенъ, или почти что разрѣшенъ, теперь въ замѣнъ его выступаетъ другой: «кому на Руси жить дурно?». Говорятъ, что на самое плохое житье въ великой россійской державѣ заявили свои законные права *нѣкіе* несчастные иногородцы, или такъ называемые «внутренніе» и «собственные» корреспонденты различныхъ газетъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего только не терпятъ эти «глашатые» темныхъ дѣлъ провинціяльнаго омута? эти «собственные» корреспонденты ра[illegible] печатныхъ листковъ обѣихъ столицъ [illegible] *ые люди* должны постоянно скрываться [illegible] дныхъ и губернскихъ катакомбахъ [illegible] награда ожидаетъ долг[illegible] ныхъ рыцарей [illegible]тальнаго [illegible] Редакціи тѣхъ газетъ, которыя имѣютъ этихъ «собственныхъ» корреспондентовъ относятся къ ихъ страданіямъ, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ равнодушно, даже *не довѣряютъ* ихъ сообщеніямъ, хотя и печатаютъ эти «невѣроятныя» сообщенія на страницахъ своихъ изданій... О сочувствіи же со стороны публики и говорить нечего: гоголевскимъ городничимъ пахнетъ!... Положимъ, что въ спискѣ наградъ, доступныхъ по службѣ въ «дѣйствующей» и «запасной» литературѣ, съ «гарнизонной маетностью» въ провинціи включительно, значится еще «гонораръ», но... Да вотъ не угодно ли посмотрѣть такую картинку, составленную «по руководству» одной петербургской редакціи. («Телеграфъ», № 3-го марта, сего 1878 года).

Одинъ изъ «собственныхъ» (*низко кланяясь*). Соблаговолите!...

Редакторъ. Не понимаю!

Одинъ изъ «собственныхъ». Тамъ приходится получить съ васъ немного... деньжонокъ-съ.

Редакторъ. Опять не понимаю!

Одинъ изъ «собственныхъ». Гонорарикъ... за статейку.

Редакторъ. Милостивый государь! «Обиліе всякаго рода безплатныхъ сообщеній дѣлаетъ совершенно излишнимъ искуственное привлеченіе ихъ путемъ выдачи гонорара»... Поняли?

Одинъ изъ «собственныхъ». Понялъ-то, понялъ-съ.

жен

А я ее съѣлъ.

(„Flieg. Bl.").

Только позвольте вамъ доложить, что за эту статью мою я день и ночь въ страхѣ живу...

Редакторъ. «Получающій вознагражденіе есть уже агентъ редакціи, а таковымъ можетъ быть только личность, хорошо ей извѣстная».

Одинъ изъ «собственныхъ» (*въ сторону*). Вотъ, какъ денегъ попросилъ—такъ и въ незнакомцы попалъ! (*Редактору*) Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы мнѣ не вѣрите и такая же тѣнь недовѣрія ложится и на мои сообщенія?

Редакторъ. Пожалуй, что такъ...

Одинъ изъ «собственныхъ». А почему, именно потому, а не почему либо другому, и платить за мои статьи не слѣдуетъ?

Редакторъ. Пожалуй, что такъ...

Одинъ изъ «собственныхъ». Такъ зачѣмъ же вы ихъ печатали?

Редакторъ. «Какъ обмѣнъ мыслей между редакціею, съ одной стороны, и подписчиками и публикой—съ другой».

Одинъ изъ «собственныхъ». Такъ хоть «за обмѣнъ»-то заплатите.

Редакторъ. «Обмѣнъ мыслей, превращаясь въ коммерческую сдѣлку, утрачиваетъ всякое значеніе»...

Одинъ изъ «собственныхъ». Ахъ, чертъ тебя дери!... Бѣдные «внутренніе»! Несчастные «собственные»!...

Енпк.

Толковый словарь

самыхъ употребительныхъ словъ въ купеческомъ быту, необходимый для каждаго купца, считающаго себя образованнымъ.

составленъ прикащикомъ изъ ножовой линіи Полуаршиновымъ.

(*Продолженіе*)

Г.

Галдарея. Самое высокое мѣст
для духоты устроено, а при купече
лается и со двора. Лѣтомъ очен
Кузнецкаго моста такихъ галда
торговли, а вверху для ахте

орые купцы даже говорятъ:

дизентеріи.

Дикорація. Обозначаетъ фонарь подъ глазомъ послѣ драки и въ тіатрѣ для представленій ставится, а также и въ окнахъ въ магазинахъ, собственно для близиру, лучшія вещи становятся.

Дикохтъ. Напитокъ для пользы на нутро. Большею частью послѣ запоя пьютъ его. Можно и съ водкой пить, а съ виномъ нельзя.

Дилехторъ. Нáбольшой въ училищахъ и банкахъ. Всѣмъ дѣломъ правитъ и захочетъ учтетъ, а не захочетъ, и такъ уйдешь. Ежели приношенія въ знакъ памяти беретъ, то только черезъ супружницу или черезъ родныхъ, а самъ лично ни-ни.

Дипломатія. Въ своемъ родѣ комерцыя: кто кого перехитритъ и обставитъ; иной можетъ тебѣ тыщу рублей дарить, а выходитъ дипломатія, ты вдругъ не берешь, пренебрегъ значитъ, опять дипломатію соблюдаешь, такъ до тѣхъ поръ и водятъ другъ друга пока не подерутся и дипломатіи шабашъ, а помирятся опять ее наружу. Иные всю жисть другъ противъ друга дипломатію имѣютъ и безъ нея ни шагу.

Дифицытъ. Слово денежное и обозначаетъ, когда дѣла ты ...ъ въ баланцѣ все, а пользы ни на грошъ, тогда ты ... оставь кре[illegible] и для нихъ это и вый[illegible]дифицытъ, антиресъ соблюдай въ аккуратѣ

Тоже что ..., только насчетъ тѣлесовъ ... какая печонка лежитъ ... ѣтъ.

... голосъ у пѣв...хъ. У лавочныхъ ... когда его за вихры потреплешь. ...ьчишекъ, что макъ медовый по... самъ запоешь дишкантомъ, ... откажутъ. Только это слово ... вексилей.

это слово и шабашъ,—твоя будетъ! Обозначаетъ: распоряжайся, дескать, капиталомъ нашимъ сколько угодно, а намъ наплевать! Лучше всякаго приворотнаго корня дѣвствуетъ.

Жевусолю. Тоже французское слово и говорится больше дамѣ и въ образованномъ классѣ послѣ танцевъ, а значитъ покорно мерси, молъ.

Жикетъ. Слово портновское, тоже что спинжакъ, только почуднѣе и кармановъ больше.

Жульфиксъ. Слово французское и значитъ надѣвай фракъ и бѣлый галстукъ, ежели тебя на этотъ самый жульфиксъ приглашаютъ. Другіе думаютъ это кушанье такое, только это невѣрно, а значитъ въ родѣ какъ парадъ.

Жупелъ. Слово страшное и значенія для души самаго убивственнаго.

А. Д—жій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу мѣднаго флага, свалившагося съ трубы Славы на Красныхъ воротахъ.

На трубѣ у Славы флагъ
На воротахъ Красныхъ,
Тутъ не ждали мы никакъ
Фортелей опасныхъ.

При починкѣ тѣхъ воротъ
Толковъ много было,
Только Дума флагъ-то тотъ
Прикрѣпить забыла.
Дунулъ, маніемъ судьбы,
Вѣтеръ надоѣдный,
И у Славы отъ трубы
Оторвалъ флагъ мѣдный.
Удивлялся весь народъ
И сужденья были,
Какъ при чинкѣ тѣхъ воротъ
Славу позабыли?...
На сужденья тѣ въ отвѣтъ
Выводъ очень здравый:
Знать у Думы нашей нѣтъ
Общаго со славой...

—

Вопль московскихъ мостовыхъ.

ПАРОДІЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ только перешли
Мы къ Думѣ дѣятельной въ длани,
Въ глазахъ проѣзжихъ мы прочли
Укоры и потоки брани.

Провозглашать пошла печать
О нашей прочности сомнѣнья,
На насъ всѣ стали замѣчать
Безъ толку вбитые каменья.

Насъ зимній снѣгъ едва покрылъ,
Въ ухабахъ стали падать сани,
Сонмъ москвичей нещадно взвылъ,
Боясь за выи, ноги, длани.

Въ часы вечернія зари
Ухабы наши всѣхъ смущаютъ,
Едва мерцая, фонари
Всѣхъ нашихъ ямъ не освѣщаютъ.

Когда же черезъ шумный градъ
Кто ночью мчится торопливо,—
Пріѣдетъ цѣлымъ онъ наврядъ:
Свернуть здѣсь голову не диво.

Смотрите, въ томъ примѣръ для васъ,
Не торопитесь никогда вы,—
И днемъ, и ночью бойтесь насъ,—
Вѣдь мы теперь въ рукахъ Управы...

Въ ухабъ свалившись въ скорбный часъ,
Чрезъ насъ ужь многіе разбиты,
Смотрите, какъ клянутъ всѣ насъ,
Какъ всѣ нещадно мы изрыты.

Кетти Кингъ.

РОСТОВСКАЯ-НА-ДОНУ ЖИЗНЬ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И КАРТИНКАХЪ

Иваны, не помнящіе родства въ нашей жизни.—Ихъ первый шагъ.—Оригинальные ночные сторожа.—Мой совѣтъ читателю.—Второй шагъ Ивановъ, не помнящихъ родства.—Маленькій мостикъ, породившій „пустячный" случай:

Тишь да гладь нашей ростовской жизни нѣтъ-нѣтъ да и нарушится какимъ нибудь скандаломъ или происшествіемъ. То городское управленіе откинетъ какой нибудь артикулъ, отъ котораго до колики будешь смѣяться; то какой нибудь «восточный человѣкъ» объявитъ о себѣ, что онъ померъ, чтобы не платить долговъ; то г. Казанцевъ, здѣшній антрепренеръ, угоститъ какою нибудь чушью и дребеденью съ громкимъ названіемъ; то «Донская Пчела» выступитъ въ походъ противъ здраваго смысла и русской грамоты; то... но всего не перечтешь.

На этотъ разъ наша жизнь нарушилась явленіемъ, выходящимъ изъ ряда вонъ,—небывалымъ явленіемъ. Имъ-то я и начну свои обычные «очерки», на нѣкоторое время прервавшіеся.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ нашемъ городѣ какими-то неисповѣдимыми судьбами появились «Иваны, не помнящіе родства». Иванами, не помнящими родства, я называю всѣхъ утопистовъ, которые силятся сломить жизнь и передѣлать ее по своему и которые, по тому наглядно изображаютъ собой только моську, лающую на слона. Появились эти Иваны недавно и первый шагъ ихъ заключался въ томъ, что они убили человѣка и оставили на мѣстѣ преступленія записку такого содержанія: «Никоновъ (такъ звали покойнаго) убитъ за доносъ. Соціалисты».

Не правда ли, какъ это громко: соці-а-ли-сты! и какъ дерзко: у-б-и-т-ъ!...

Здѣшній корреспондентъ «Голоса», описывая это происшествіе, говоритъ, что «ночь въ это время была тихая, ясная, морозная, выстрѣлы, направленные въ Никонова, слышали сторожа» и проч.—Почему-жь они не пришли на помощь? корреспондентъ объясняетъ, что «они боялись быть убитыми»... Но это неправда. Я знаю—большинство нашихъ сторожей до нельзя храбры и очень усердны по службѣ. Чуть гдѣ нибудь раздастся «караулъ», они сейчасъ же, на всѣхъ парахъ, опрометью бѣгутъ.... отъ мѣста преступленія...

Почему?

— Поди, тамъ шляйся послѣ этого по судамъ да по частямъ! отвѣтятъ они хоромъ.

Оригинальные хранители!...

А потому, вотъ вамъ мой совѣтъ, читатель:

Если вамъ случится быть
Въ славномъ городѣ Ростовѣ,
Я прошу васъ не забыть
Правило одно простое:
Если будетъ грабить васъ
Стрекулябія ночная,
Вы скажите лучше «пасъ»,
«Караулъ» не возглашая...

А то можетъ случиться маленькая напріятность: услыхавши вашъ крикъ, сторожа разбѣгутся и вамъ волей-неволей придется остаться tête-a-tête съ «стрекулябіей», которая по долгу чести за крикъ вашъ, причинившій безпокойство, намнетъ вамъ бока... Право, такъ.

Но—будемъ продолжать разсказъ объ Иванахъ, не помнящихъ родства.

Да, и такъ—говорю я—они и сказали, что дескать это мы, Ива а доносъ на насъ. Происшествіе это, н гить, не малый надѣлало шумъ. Предпо ю конца.

Добродушныя старушки говорили, что это дѣлается предъ свѣтопреставленіемъ; старички—что это Божье наказанье; молодежь, что это одна утопія и безумство недоучившихся верхоглядовъ и проч...

Наконецъ, всяческіе «ужасы» и «треволненія» улеглись и ростовская жизнь совсѣмъ было вступила въ обычную свою колею, какъ вдругъ—новая каверза! Иваны, не помнящіе родства, сдѣлали второй шагъ. въ ночь на 1-е марта расклеили по городу безграмотныя афишки, въ которомъ, между прочими бреднями, говорилось, что «со всѣми доносчиками будетъ поступлено такъ, какъ съ Никоновымъ». Понятное дѣло, эта угроза еще болѣе взволновала наше общество, къ сожалѣнію, не привыкшее къ такимъ дерзкимъ ужасамъ Ивановъ, не помнящихъ родства.

Да и комики-жь эти сумасбродные самозванцы-социалисты... то бишь Иваны, не помнящіе родства.. Домъ умалишенныхъ былъ бы для нихъ самое приличное мѣсто. Я больше нечего не могу про нихъ сказать, и перехожу къ другому явленію въ нашей жизни.

Есть у насъ небольшой, даже очень маленькій мостикъ, который перекинутъ чрезъ балку. Мостикъ этотъ съ давнихъ поръ не ремонтировался и на него не обращали «власть имущіе» никакого вниманія, да и врядъ ли когда обратили бы, если бы не одинъ случай. Случай вышелъ простой, пустячный: въ одну изъ образовавшихся на мостикѣ дыръ (понимаете!...) провалилась женщина и... убилась до смерти! Вотъ и все! Теперь этотъ мостикъ чинятъ... Правду говорится: «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Не убейся женщина, мостикъ до сего бы времени остался въ дырахъ...

Это—онъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Въ воскресенье 19-го марта назначенъ 2-ой концертъ любимца московской публики Д. А. Славянскаго. Можно надѣяться, что слушатели вынесутъ изъ этого концерта такое же эстетическое наслажденіе, какое вынесли изъ перваго.

ЗАМѢТКА

Въ № 9 нашего журнала мы заявили, что въ клубѣ прикащиковъ назначенъ юбилей тридцатилѣтней сценической дѣятельности г-на Григоровскаго. Юбилей не состоялся, такъ какъ юбиляръ не сошелся съ администраціей клуба въ условіяхъ относительно уступки ему залы. Юбилей г-на Григоровскаго назначенъ на воскресенье 19-го марта и состоится въ Русской палатѣ Славянскаго Базара.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

МОСКВА. Читателю. Вашъ вопросъ: „почему одно и тоже стихотвореніе напечатано въ № 5 „Будильника“ и въ № 6 „Стрекозы““—могутъ разрѣшить только редакціи этихъ журналовъ. Впрочемъ они оба не стѣсняются перепечатками изъ другихъ изданій, безъ указанія откуда. Это называется по латыни licencia furtiva.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ф. Б. Миллеръ.

